

Разбитая фарфоровая посуда представляла опасность, поэтому один из мужчин тут же бросился вперед, чтобы остановить его, а другой вырвал из его рук вазу.

— Сяохань, Сяохань, успокойся, мы уже взрослые, возьми себя в руки!

Шан Сяохань дрожал всем телом, уставший и разозленный. Он обернулся с выражением полного отчаяния на лице, и его синяки делали его вид еще более душераздирающим, чем громкий плач.

— Хороший мальчик, расскажи дяде, что случилось. Мы поможем, чем сможем. Мы все братья твоего отца. Как он может быть спокоен, если ты так себя ведешь?

Шан Сяохань вырвался и отступил на несколько шагов.

— Никто не сможет помочь. Сожженное нельзя вернуть.

За его спиной была дверь в его спальню. Открыв ее, он показал комнату, где, кроме аккуратно сложенного постельного белья, ничего не было. Это было совсем не похоже на комнату ребенка, который жил здесь постоянно. Скорее, это выглядело как временное жилье для дальних родственников, которые остались на одну ночь.

Несколько мужчин переглянулись. У всех у них были свои дети, и они сразу поняли, что что-то не так. Они предполагали, что Чэнь Чжэнь плохо обращается с Шан Сяоханем, но не ожидали, что это будет настолько ужасно.

Оставить что-то для своей родной дочери — это можно понять, но полностью уничтожить все, что принадлежало сыну от предыдущего брака, — это уже слишком.

В этот момент Чэнь Чжэнь услышала, что снаружи что-то происходит. Приехала полиция? Почему они сразу не схватили Шан Сяоханя? Что происходит? Она попыталась открыть дверь, но обнаружила, что ручка не поворачивается. Шан Сяохань заблокировал замочную скважину снаружи.

Шан Сяохань услышал едва уловимый звук и бросился к двери, снова ударив по ней ногой.

— Выходи, выходи!!

Никто из взрослых не смог его остановить. Во-первых, они не ожидали такого, а во-вторых, они подсознательно думали, что за закрытой дверью подросток просто выплескивает гнев, и это никому не навредит.

Все считали, что в такой ситуации Шан Сяохань имеет полное право злиться. А вот его сестра, которая кричала из-за двери, действительно была невоспитанной. Воспитание дочери зависит от матери, и это говорит о том, что за человек Чэнь Чжэнь.

Один из охранников вздохнул и вышел, чтобы позвонить в полицию и отменить вызов. Он кратко описал ситуацию на месте и пообещал прийти на следующий день для отчета.

Чэнь Чжэнь прижалась к двери, пытаясь открыть ее, но Шан Сяохань ударил по ней ногой, заставив ее отпрыгнуть. Ее сердце бешено забилося, но она поняла, что снаружи были люди, и никто не остановил Шан Сяоханя.

Это было неправильно!

Она не могла выйти и, сделав три круга по комнате, услышала, как снаружи начали разговаривать. Она снова позвонила в полицию, и на этот раз ответила та же женщина, которая, услышав ее описание, сказала с раздражением:

— Гражданка, ложный вызов полиции имеет последствия. Вам весело издеваться над нами?

Телефон резко отключился.

Ситуация снова вышла из-под контроля, и все из-за этого проклятого Шан Сяоханя. Чэнь Чжэнь ударила по двери ногой.

— Выпусти меня!

Шан Сяохань подпрыгнул и ударил в ответ.

— Выходи!

Один из старших мужчин схватил его.

— Мальчик, у тебя кости еще не окрепли, не стоит так сильно напрягаться. Ты сам себе навредишь, и никто тебя сейчас не пожалеет.

Другой, помоложе, возмутился.

— Что случилось с твоим лицом? Она тебя ударила?

Шан Сяохань, сыграв свою роль и устав от ударов, сжался.

— Днем в переулке на меня напали, чтобы отобрать мелочь.

Мужчины переглянулись. В Западном районе было много бездельников, которые так промышляли.

Бороться с ними было сложно. Это было как с гнойниками: тратишь силы и ресурсы, чтобы посадить их на несколько дней, а потом они снова выходят и обмениваются опытом. Если не трогать их, они просто периодически досаждают, но если не сталкиваешься с ними лично, не придаешь этому значения.

— Выпусти меня!

Чэнь Чжэнь, зная, что снаружи были люди, не осмелилась ругаться, но от злости у нее сдавило грудь.

— Скажи мне, куда ты выбросила мои вещи? — громко спросил Шан Сяохань. — Не говори, что все сожгла. Столько книг за один день не уничтожить.

Она продала их по пять юаней за килограмм. Разве он сможет их вернуть? Чэнь Чжэнь и Шан Юньюнь побледнели.

Пожилой охранник не выдержал.

— Госпожа Чэнь, вы перегнули палку. Скажите правду, и я найду слесаря, чтобы поменять замок.

— Кто вы такой, чтобы говорить, что мы перегнули палку? — Шан Юньюнь выпалила быстрее, чем ее мать.

Охранники в районе не были официальными правоохранительными органами. Это были бывшие военные, и когда они злились, они тоже не церемонились.

— Не хотите говорить? Тогда оставайтесь здесь.

Сегодня они решили помочь сыну своего старого товарища.

Другой мужчина утешил Шан Сяоханя.

— Не переживай. В районе везде камеры. Мы сможем узнать, куда вывезли твои вещи.

Шан Сяохань, остыв от гнева, понял, что вещи, скорее всего, продали на свалку. Его глаза покраснели.

— Их, наверное, сдали как макулатуру. Даже если найду, у меня нет денег, чтобы выкупить.

Он хотел, чтобы Чэнь Чжэнь вернула деньги.

Мужчины вздохнули.

— Не переживай, мы все найдем, ничего не пропадет.

Шан Сяохань, с покрасневшими глазами, повернулся и уперся лбом в стену. Это была не игра, он действительно хотел плакать.

Подростки не любят показывать свои слезы. Охранники переглянулись.

— Мы не будем читать тебе нотации, ты уже взрослый. Плакать, когда тяжело, — это не стыдно.

Четыре месяца прошло с тех пор, как умер его отец. Сколько слез он уже пролил в тишине ночи. Шан Сяохань глубоко дышал, а затем развернулся и поклонился.

— Спасибо, дяди, за то, что пришли так поздно. Завтра я приду посмотреть записи с камер. Спасибо.

Охранники, вздыхая, утешили его еще немного и разошлись. Казалось, все забыли, что Чэнь Чжэнь заперта в спальне.

В конце концов, она могла позвонить в полицию, и вызвать слесаря было не проблемой.

В эту бурную ночь, за десятки километров от Академии Юньтай, Ци Цзиншэн отложил руководства по выбору курсов и начал искать свои старые расписания. Сяохань был не менее талантлив, чем он, так что, возможно, стоит пойти по его пути.

Расписание, составленное десятками частных преподавателей и наставников академии, не могло быть ошибочным.

Шан Юньюнь долго плакала, а потом проголодалась. Пришло время выпить молока перед сном, но в спальне матери не было ее любимой подушки и пижамы. Она уже не могла плакать громко, только всхлипывала, дрожа от слез.

Чэнь Чжэнь с удивлением слушала, как голоса снаружи стихали. Она не могла поверить, что люди действительно ушли, и в ярости начала кричать:

— Проклятая девчонка, ты что, не могла остановить его? Ты просто смотрела, как этот ублюдок издевается над твоей матерью? Я столько лет тебя кормила, а ты даже как собака не можешь защитить...

Чэнь Хуэй всю ночь дрожала в своей спальне, а теперь, бросив коммуникатор, вытерла слезы с лица.

Она родилась на четвертой планете Созвездия Цилинь, отсталой в развитии. Ее семья занималась выращиванием зерновых, а дедушка и бабушка были упрямыми традиционалистами, придерживавшимися странных принципов, которые даже совершенные законы не могли изменить.

Поскольку она была девочкой, ее родная семья не любила ее. Чэнь Чжэнь, родив дочь, была отвергнута семьей мужа, которая считала, что несчастная жизнь началась из-за нее.

Когда мать развелась, она взяла ее с собой только из-за алиментов, которые государство переводило на счет опекуна. Это она слышала сотни раз, каждый раз, когда Чэнь Чжэнь ругалась.

Она тоже была дочерью, но Чэнь Чжэнь любила Шан Юньюнь. Приехав на первую планету с нелюбимой старшей дочерью, она забеременела младшей и стала женой военного, что обеспечило ей безбедную жизнь. Поэтому отношение к двум детям было совершенно разным.

Когда родилась Шан Юньюнь, Чэнь Чжэнь испугалась, но, поняв, что Шан Чэн очень любит девочку, сразу изменила свое отношение.

Чэнь Хуэй не была такой одаренной, как Шан Сяохань, но это не значит, что она не понимала ситуации. Ее положение в семье было неудобным, и она старалась не привлекать к себе внимания, ожидая, когда сможет уехать после совершеннолетия.

<http://bllate.org/book/17699/1652349>